

СИМФОНИЕИ

Произведения Прокофьева, Шостаковича, Хачатуряна давно уже стали классикой. А ведь было время,

ДИРИЖИРОВАЛ СТАЛИН

55 лет назад, 10 февраля 1948 года, вышло Постановление ЦК ВКП (б) об опере «Великая дружба»

Нашим людям это чуждо!

— В послевоенные годы руководство страны нанесло несколько продуманных ударов по отечественной культуре: Сталину, вероятно, нужно было пригласить энтузиазм интеллигенции, которая радовалась Победе над фашизмом и надеялась, что мрачный 37-й год позади. Первыми были атакованы литература и поэзия («Постановление ЦК ВКП (б) о журналах «Звезда» и «Ленинград», 1946) в лице Михаила Зощенко и Анны Ахматовой. Затем пришла очередь кино — подверглась разгрому вторая серия фильма «Большая жизнь», причем песни Никиты Богословского (даже такая жемчужина, как «Три года ты мне снилась») были объявлены «проникнутыми кабацкой меланхолией и чуждыми советским людям». Потом настала очередь советского симфонизма. Атака готовилась изподволя, начиная с конца 1947 года — были раскритикованы новая, 6-я симфония Прокофьева, Виолончельный концерт и «Симфония-поэма» Хачатуряна. Однако поводом для разгрома творчества корифеев отечественной музыки стало произведение почти случайное — опера Вано Мурадели «Чрезвычайный комиссар» (второе название «Великая дружба»), поставленная осенью 1947 года в Большом театре к 30-летию Октябрьской революции. Музыку оперы назвали какофонией, а сюжет — политически вредным. Я был на премьере «Великой дружбы». На самом деле музыка была слабой, драматургически неинтересной. Никакого «формализма» там и в помине не было: язык оперы казался скорее просто примитивным. Почему «наверху» ухватились именно за этот опус — загадка. Ведь метили, конечно, не в Мурадели, а в Прокофьева, Хачатуряна, Прокофьева, Мясковского... Шостакович не угодил еще раньше — в 1945-м он закончил свою 9-ю симфонию; от него ждали музыки фанфарно-торжественной, помпезной, а услышали прозрачную, «гайдовскую» по краскам партитуру — легкую, ироничную. Причем дальше загадки продолжались — в Постановлении ЦК ВКП (б) названы шесть композиторов-формалистов. Почему именно они? В списке отсутствует фамилия Кабалевского. На самом деле, в первой «шестерке» его имя имелось. Но Кабалевский предпринял все возможные усилия, чтобы его фамилия была снята. Вместо него в список формалистов попал другой композитор — Гавриил Попов. Этот автор разве что в 20-х годах считался «левым» по языку, а одно из первых сочинений — октет — посвятил Арнольду Шенбергу. Но в 40-х годах был малоактивен и вообще — рядом с Прокофьевым и Шостаковичем его имя выглядело случайным.

Возражать никто не посмел

— Директор консерватории Шебалин пожаловался, что нет средств на ремонт консерваторского здания: протекает крыша. На что Жданов заметил

когда эту музыку называли пустой, безыдейной и даже антинародной. 55 лет назад именно так было заявлено на «высшем уровне» — в Постановлении ЦК ВКП (б). О событиях 1948 года рассказывает композитор Тихон ХРЕННИКОВ, многолетний руководитель Союза композиторов, назначенный лично Сталиным на должность Генерального секретаря Союза.

Они превратились в этиких музыкальных сановников...»

Я говорил то, что думал — хотя в контексте обсуждения это выглядело как острая критика великих авторов. Но надо было сказать именно что-то в этом роде — от меня и других выступавших Жданов не ждал ничего другого.

ведь... И что делать не знаю». В ответ слышу: «Ничего — поможем!» «Ваша главная задача — готовить съезд композиторов! И организовать как можно больше поездок на места. А то ваши композиторы смотрят только на собственный пуп и не знают жизни!»

Прихожу домой, сообщаю новость жене. Она в ужасе: зачем

столбу всех модернистов начиная с Вагнера, Малера и Дебюсси). Я понимал, что мой доклад — нелепость, дикая несуразица. Он повторил постановление, только в более размытом виде...

Что пишут!

— Став руководителем Союза, я сразу же встретился с доносами и клеветой, прикрывавшими элементарное сведение счетов. Музыковед Оголевец, например, сигнализировал: «В течение долгих лет я вел непримиримую борьбу с космополитизмом, с носителями идей атональности и буржуазного распада музыки: Мазелем, Рыжким, Житомирским и Шлифштейном — приятельски сколоченной группой, вросшей в нашу жизнь, действующей против советской музыкальной культуры и ее кадров троцкистскими методами... А сейчас меня помещают в один список с ними!» Это уже отчаянный крик души: за что — я же свой!

...Мое положение было весьма уязвимым. Назначенный на свой пост лично Сталиным, я, казалось бы, должен был выявлять и карать формалистов; но понимал, что от обвинений в отходе от традиций, от реализма Глинки, Бородина, Чайковского и Рахманинова было недалеко до обвинений во враждебной деятельности и шпионаже. В других творческих союзах в аналогичных случаях арестовывали и ссылали. Фадеев никого не защитил. И хотя Ахматову не арестовали — ее нигде не печатали, лишив, по сути дела, куса хлеба; великая поэтесса перебивалась переводами.

В 1949 году началась кампания против космополитизма — под этой этикеткой шла откровенно антисемитская кампания. Некоторые критики (тот же С. Шлифштейн), в свое время ругавшие мою оперу «В бурю», испугались, что я не упущу случая им отомстить. Я же в политике Союза придерживался принципов — никаких имен. На всех собраниях и заседаниях я говорил «правильные» речи, но, слава богу, у нас никогда не было никаких оргвыводов. СК СССР вышел из кампании против космополитов без потерь.

Многие в Союзе были недовольны моим либерализмом. Анонимки сыпались десятками. Суслов однажды дал мне письмо, где говорилось, что я нахожусь под влиянием сионистов: «Почитайте-ка, что пишут!» У меня было шоковое состояние: словно попал в выпрежную яму!

Тем не менее наш Союз был единственным, где не было ни чисток, ни арестов. И не то чтобы о нас забыли: нет, звонили, требовали. Однажды даже арестовали на некоторое время Моисея Вайнберга: он учился на Западе, приехал в СССР лишь в 1939 году — чем не шпион? Но мы дали ему такую блестящую характеристику, что его тут же выпустили. Потом арестовали и сразу выпустили ученика Мясковского Александра Веприка...

Мне удалось также помочь знаменитому ленинградскому певцу Печковскому, который пел в моей опере «В бурю» еще в 1939 году. После войны отсидел (за то, что выступал при немцах). Я написал письмо Ворошилову — Печковскому вскоре разрешили вернуться и даже вновь петь в Кировском театре...

Позже я от имени Секретариата СК СССР обратился в ЦК с просьбой отменить то злосчастное постановление о «Великой дружбе», оскорблявшее великих музыкантов. Оно и было отменено...

Записал Аркадий ПЕТРОВ

— не крыша течет; прогнил весь фундамент музыкального образования! Жданов яростно проводил сталинскую политику и был человеком крайне жестоким. Хотя и по-своему талантливым, его доклад прозвучал темпераментно — он говорил от себя, а не читал текст по бумажке. Цитировал наизусть классиков. Когда он кончил, речь его вызвала громовые аплодисменты. Аплодировал и Прокофьев (я сидел прямо за ним). Хотя — попросил бы не аплодировать... «Обсуждение» было соответствующим — возражать никто не посмел. Все сразу стали признаваться в ошибках и каяться. Выступали также певцы, дирижеры, пианисты. «Когда я слушаю фальшивые сочетания современных симфоний и сонат, то с ужасом чувствую, что этим звукам более свойственно выражать идеологию вырождающейся культуры Запада — вплоть до фашизма, — чем здоровую

культуру русского советского человека». Это, увы — Гольденвейзер. А руководитель Хора Пятницкого Захаров заявил: «Наша симфоническая музыка зашла в тупик... Есть произведения, которые можно слушать только под хлороформом... В Ленинграде во время блокады, когда люди умирали на заводах, около станков, они просили завести пластинки с народными песнями, а не с 7-й симфонией Шостаковича»...

Итак, тема ритуального погрома была задана Ждановым, дальше следовали лишь вариации. Я говорил в этом же ключе: «У нас есть четыре-пять имен, которые изо дня в день появлялись в прессе, творчество которых являлось предметом постоянной пропаганды филармониями и концертными организациями... Я этих композиторов ценю и уважаю — но эти люди были совершенно выключены из сферы критики, из сферы воздействия на них общественного мнения.

Ничего — поможем!

— Вообще-то, я не думал, что развернутся такие события. И после совещания уехал в Рузу. Потом вернулся в Москву. И вдруг в 11 часов вечера — звонок. Вызывают к ЦК к Шепилову, заместителю заведующего Агитпропом ЦК. Под дверью — Голованов, Свешиников, Хачатурян... Первым вызвали Хачатуряна. Вышел расстроенный, говорит мне: «Я тебя поздравляю, а с чем — сейчас узнаешь!» И уехал. Потом вызывают Голованова — он был назначен художественным руководителем Большого театра вместо Самосуда. Потом Свешикова — он стал директором консерватории вместо Шебалина. Читаю постановление и я: председатель Оргкомитета по подготовке 1-го съезда советских композиторов Глиэр и его заместитель Хачатурян отстранены от работы, председателем назначен Асафьев. А я — генеральным секретарем. Говорю Шепилову: «Кто я такой? Никто

согласился? А что я мог сделать? От таких предложений ведь не откажешься...

Съезд СК СССР состоялся в апреле 1948 года. Практически все выступавшие без конца цитировали постановление об опере «Великая дружба». Естественно, и те, кого постановление жестко критиковало. По ходу съезда «наверх» шли доклады. Вот образец одного из них — «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО. Помимо Мурадели до конца 23 апреля никто из композиторов-формалистов не выступил, хотя Шостакович присутствовал в зале, где иногда появлялся и Хачатурян».

Мне пришлось делать доклад. «Формализм крепко внедрился в сознание Шостаковича, Прокофьева и других видных композиторов... И прочее в том же духе. Доклад писал не я, а «группа лиц» — Б. Ярустовский, С. Шлифштейн, В. Городинский (вскоре прославившийся брошюрой «Музыка духовной нищеты», где он пригвоздил к позорному

Коллекция Ирины ЗАХАРЕНКО